

и «Исповеди» (прежние издания этих произведений можно было бы прочесть уже только в крупных библиотеках). Это обстоятельство может объясняться лишь тем, что для господствующих классов Венгрии тех лет эти произведения Ракоци (даже «Исповедь», написанная в духе исповеди святого Августина) пришлись не по вкусу. Острая социальная критика, антиклерикализм, антигабсбургская направленность — эти черты произведений Ракоци не устраивали властителей Венгрии, угнетавших народ и презиравших его интересы.

Наше исследование не ставит целью дать полную картину писательской деятельности Ференца Ракоци. Мы попытаемся набросать в основных чертах объективный образ этого исторического деятеля как писателя, указав на некоторые задачи, которые еще предстоит решить в ходе изучения его творчества.

Один из недостатков прежних работ о Ракоци заключается в том, что в них даже не предпринималось попыток показать преемственность и место творчества Ракоци в истории венгерской литературы. Напротив, дело выглядело так, будто Ракоци, лишь покинув Венгрию, стал писателем и мыслителем, «объемлющим Европу и пишущим по-европейски»⁸. Однако изучение его произведений во всей их полноте, в контексте их генетических и исторических связей позволяет видеть, что Ракоци сформировался как писатель еще на родине, в Венгрии, в ходе борьбы за независимость, впитав в себя богатые отечественные традиции. Такое изучение убедительно доказывает, что и литературная деятельность Ракоци в эмиграции органически связана с венгерским периодом его творчества. Эта связь, естественно, не означает, что между различными периодами его писательской деятельности не было различий. Самое большое различие, конечно, определяется той разницей, которая существует между мироощущением борца за свободу и чувствами политического деятеля, потерпевшего поражение в борьбе и живущего в эмиграции. Однако существуют свои различия и между произведениями, созданными Ракоци в разные периоды его жизни на родине, так же как нет полной идентичности мироощущения и стиля и в произведениях, написанных им в эмиграции. Нет сомнения, что обстановка освободительной борьбы, политическая деятельность, военные походы, классовая борьба, усиливающаяся в ходе борьбы за независимость, — все эти факторы закономерно порождали произведения иного типа, иного жанра, нежели деятельность Ракоци в эмиграции. Однако все возрастающее одиночество писателя сужало политические перспективы, он постепенно лишался поддержки масс.

Начало героической борьбы за освобождение венгерского народа, которую возглавил князь Ференц Ракоци II, не могло не стать толчком и в духовной жизни, в культурном прогрессе, в развитии венгерской литературы. Но подобно тому как освободительная борьба была продолжением предыдущей борьбы народов, так и культурный и литературный прогресс в эпоху освободительной борьбы опирался на предшествующие достижения. Ракоци в своей политике исходил из интересов широких масс венгерского народа. Желания, устремления, цели этих масс уже задолго до этого находили выражение в устном творчестве, а также в произведениях поэтов и писателей, симпатизировавших народу, сочувствующих делу освобождения венгров. То, что на протяжении многих десятилетий находило отражение в поэзии, теперь начинает реализоваться в политических результатах борьбы Ракоци, а та поэзия, которая была предвестницей освободительной борьбы, достигает кульминации одновременно с наивысшей политической и военной точкой освободительной борьбы.

В ходе этой борьбы созревал талант и самого Ракоци; но процесс этот был не спонтанным. Ракоци все более осознавал огромную силу эмоционального, агитационного и даже политического воздействия, скрытую

⁸ Золтан Бела. Указ. соч., с. 9.